

Джордж Райт

Утешение

(кроссовер фильмов *An American Crime* и *Hard Candy*)

Памяти Сильвии Лайкенз

Преподобный Билл говорил, что у бога всегда есть план.

Я все еще пытаюсь понять, в чем же он состоял.

Последние слова фильма An American Crime

- Кто ты?!

Он стоит на краю крыши с бесполезным ножом в руке. Ярость в его глазах сменяется страхом.

- Это сложно сказать, - правдиво отвечаю я. - Может, я вовсе не из Калабасаса. Может, не дочь профессора медицинского факультета.

- Может, и не подруга Донны Мауэр?

- Может, меня даже и зовут не Хэйли.

Теперь я сказала ему правду, но он не успокаивается.

- Да кто же ты, черт возьми?!

- Я - это каждая девочка, которую ты лапал, пытал, насиловал и убивал.

Довольно с него и такого. Это, конечно, иносказание, но буквальному ответу он бы все равно не поверил. А скорее всего - даже и не понял бы, о чем речь. Как не понял он этого, когда увидел мое лицо. В ту пору, когда это лицо было в газетах и даже в "Тайм", он еще не родился.

Да и, в любом случае, времени для подобных объяснений уже нет. Его бывшая подруга - вероятно, единственная совершеннолетняя в его списке и потому избежавшая жуткой участи остальных - только что подъехала и уже нетерпеливо стучится в дом. Она не видит нас на крыше, но отсюда хорошо слышно, как она с тревогой зовет его.

- Она все узнает, Джефф, - говорю я.

- Нет!

- Надевай петлю на шею и прыгай, и тогда я уничтожу улики. Джанель ничего не узнает и будет думать, что ты покончил с собой, потому что она тебя бросила.

Он в отчаянии валится на крышу и закрывает лицо руками, но это совсем не то, что я велела ему сделать.

- В тюрьме с тобой будут делать плохие вещи, - напоминаю я. - Просто охерительно ужасные вещи, - когда-то моя мать вымыла бы мне рот с мылом за такие слова, но теперь мне плевать. С тех пор я много что узнала об охерительно ужасных вещах. - Ты будешь жалеть, что не покончил с собой, пока мог. Это единственный выход, Джефф.

Он корчится на крыше у моих ног, словно полураздавленный червяк. Лепечет, что это не он убил Донну, и обещает сдать своего подельника, который-де и есть убийца.

- Я знаю его имя, - отвечаю я. - И знаешь, что забавно? Аарон, прежде чем покончил с собой, сказал мне, что убил ты.

- Это сделал он! Я только смотрел...

- Мне плевать, - с чувством отвечаю я. Про тех, кто только смотрит, я тоже знаю теперь гораздо больше, чем мне бы хотелось. Герти брала с них деньги. Со всех, кто приходил ко мне в подвал. Просто смотреть стоило дешевле, чем участвовать. Но я не вижу разницы. Никакой херовой разницы.

"Джефф!" - кричит Джанель снизу. Он поднимается, наконец осознав, что выбора у него нет. Я надеваю ему петлю на шею. Он шагает к краю крыши и в последний момент оборачивается и смотрит на меня жалким умоляющим взглядом. Слишком поздно умолять, Джефф. Твои жертвы тоже умоляли тебя, не так ли?

- Не волнуйся, я обо всем позабочусь, - говорю я вслух.

Он шагает за край. Но еще прежде, чем веревка успевает затянуться, я прыгаю вперед, падаю плашмя на крышу и, перегнувшись через край, с удовольствием добавляю:

- Или нет!

Затянувшаяся петля вздергивает его подбородок вверх, и я еще успеваю заметить отчаяние и ужас в его глазах. Потом снизу раздается пронзительный визг Джанель. Пока она звонит 9-1-1 - или что она там еще делает перед входом - я спокойно спускаюсь обратно в дом и покидаю его через заднюю дверь, заодно прихватив по пути деньги, которыми он пытался откупиться от меня.

Миссия выполнена. Мир тебе, Донна Мауэр. Я никогда не знала тебя, но я сделала для тебя все, что могла.

Позже я сижу в тени деревьев на склоне холма и смотрю на вечернее солнце. Я знаю, что меня никто не ищет. Хотя меня и видела эта японка-соседка, пройдет немало времени, прежде чем полицейские тугодумы догадаются ее допросить - если вообще догадаются. Я знаю, насколько тупа бывает полиция. Да и, собственно, тут нет самого события преступления. Он все сделал сам, экспертиза это подтвердит, мотив - налицо: раскаяние педофила-убийцы. И все же, хотя Калифорния, пожалуй, красивей моей родной Индианы, настала, видимо, пора перебираться в другое место. Я еще не знаю, куда.

Возможно, узнаю из очередных новостей.

Когда-то я верила в добро. Так учили меня родители и церковь. Будь доброй к людям, и люди будут добры к тебе. Как же я ошибалась! И даже когда я висела связанная в том подвале, или лежала на полу в луже собственной кровавой мочи, вся в синяках и ожогах, с превращенными в месиво органами внизу живота и гнусной надписью, которую они выжгли на моем теле - даже тогда я еще не мечтала о мести. У меня просто не было сил на ненависть. Я мечтала только об одном - чтобы эта боль, наконец, кончилась. Но милосердный Иисус не слышал мои молитвы. Пока, наконец, один из них не пнул меня ботинком по голове. Они делали

так и прежде, но этот раз оказался последним.

А потом был парк аттракционов.

Нет, совсем не в том смысле, в каком я сама была "аттракционом" для подростков целого квартала много недель подряд. Почти никто из них не понес потом ответственности - они проходили по делу только как свидетели. "Они же дети." Дети, да. И организовали все это не какие-нибудь очередные, ну то есть предыдущие, Джефф с Аароном, а мать семерых детей со своим выводком. Старшей из этого выводка, Поле, которая стояла у истоков травли, сперва дали пожизненное, но выпустили уже через шесть лет. Со следующей, Стефани - она была на год моложе меня - вообще сняли все обвинения в обмен на ее показания против остальных. Еще трое убийц-парней, включая того, кто нанес последний удар, вышли менее чем через два года. Два года, и это все. Герти выпустили двадцать лет спустя "за примерное поведение". Первоначальные обвинения в убийстве первой и второй степени поменяли на "непредумышленное". Ну да - "они ведь не хотели убивать". Железная логика. Уж лучше бы они хотели! Тогда бы я умерла сразу, а не после двух с лишним месяцев пыток.

Но я отвлеклась. Так вот, парк, в котором я открыла глаза, когда боль закончилась, был настоящий. Ну или почти как настоящий. Точно такой, в каком работали мои родители, в каком я всегда чувствовала себя такой счастливой, катаясь на карусели. В нем так же светило солнце с летнего неба и играла веселая музыка. Только в нем не было ни посетителей, ни работников. Он был мой и только мой. Его окружал высокий забор, и ворота всегда были закрыты, но я и не пыталась их открыть. Я знала, что это не моя тюрьма, а моя крепость. Единственное место, где я чувствовала себя в полной безопасности.

Многие, наверное, решат, что ужасно скучно кататься на каруселях сорок лет подряд, особенно если ты уже не маленькая девочка (а мне было 16, когда со мной случилось... все это). Но мне так не казалось. Тем более что это не было моим единственным занятием. В трейлере для работников - таком же, в каком жили мои родители, только их самих там не было, они так и не попали туда, вероятно, потому, что не смогли меня защитить - так вот, там стоял пузатый телевизор, и я смотрела передачи из мира живых. В том числе - репортажи о судах над моими убийцами, но не только их. И, в общем, новости из этого мира не заставляли меня так уж сильно жалеть, что я его покинула. Вьетнамская война, расовые волнения, преступность и все прочее. И это было только то, что попадало в новости. А в скольких маленьких американских городках (да и не только американских) живут такие, как Герти с ее выводком, о которых никто не знает просто потому, что они пока еще никого не замучили до смерти? Да что там - даже из моих мучителей, как я уже говорила, многие остались совершенно безнаказанными, хотя дело прогремело на всю страну. И теперь уже у них растут их собственные дети, а у тех - свои. Нет, в моем парке намного уютнее! И лучше уж полное одиночество, чем общество людей, ни одному из которых я не могу доверять. Ведь никто, ни один добропорядочный гражданин не заступился за меня, не пришел мне на помощь, хотя о том, что происходит в доме у Герти, знала или хотя бы догадывалась вся округа! Те, кто не участвовали в истязаниях, а лишь, слыша мои крики, спокойно проходили мимо, не прошли по делу даже как свидетели...

И все же... постепенно мое настроение начало меняться. Если физические раны вместе с причиняемой ими болью исчезли в парке сразу, то душевные, наверное, полностью не исчезнут никогда. Но стала уходить одна из главных их составляющих - страх. На это ушло долгих сорок лет, но все же пришла пора, когда я больше не ощущала себя беспомощной жертвой, которой может быть хорошо только в скрытом от всех убежище. Зато выросло другое чувство - гнев. Гнев уже даже не на моих собственных истязателей, главные из которых к тому времени уже отправились в, надеюсь, куда менее уютные места, чем мой парк, предварительно хорошенько помучившись от рака. Но на прочих, подобных им. На всех, кто мучает незащитных девочек и девушек, и кому это сходит с рук.

Моей самой главной ошибкой было то, что я не пыталась сопротивляться. Что надеялась

умилостивить мучителей покорностью и послушностью. Отчасти виновато было мое воспитание и все эти церковные проповеди, отчасти - страх, что гнев Герт и ее банды обрушится на мою младшую сестру (которая в итоге палец о палец не ударила, чтобы сообщить о моем ужасном положении, и рассказала все полиции только тогда, когда было уже слишком поздно). Теперь бы, думала я, я бы вела себя совсем иначе. Нет более верного способа приумножить зло, чем пытаться его умиротворить, отказываясь ему сопротивляться. Причем не только зло, направленное против тебя лично. Как жаль, что я поняла это так поздно! Вступающий в бой - может проиграть, сдавшийся без боя - проигрывает наверняка, ведь это же так просто!

И вот однажды, увидев по телевизору очередной сюжет о двух девушках, чьи истерзанные обнаженные тела были обнаружены в лесу, я не выдержала. Я подошла к запертым воротам с твердым намерением или перелезть через них, или, если это не получится, трясти их и кричать, требуя встречи с... администрацией парка. Я понимала, где я нахожусь, но - довольствоваться своим маленьким личным раем и не сметь роптать из страха быть покаранной за дерзость - не есть ли это та самая логика, которую я уже столь решительно осудила?

Мне не потребовалось ничего трясти и ломать. От первого же толчка ворота открылись. Возможно, они были незаперты все это время.

Я шагнула наружу - и оказалась на улице небольшого городка в Новой Англии, которую только что видела в телерепортаже. Улицу, где еще недавно жили убитые подруги. И теперь я присутствовала там во плоти.

Я по-прежнему не знаю, как мне удалось вернуться оттуда, откуда, как считается, не возвращается никто. Я не беседовала с Иисусом и не заключала сделку с Сатаной. Как я уже говорила, никто не появлялся в моем парке и не говорил со мной за все время, что я провела там. Точно так же, как никто не слышал моих молитв из подвала... Быть может, я все-таки заслужила право на возвращение пережитыми мной страданиями. Но ведь я, к сожалению, не единственная, кому довелось перенести подобное. Хотя, возможно, другие не хотят возвращаться в мир, который обошелся с ними - так. Я ведь тоже очень долго не хотела. А может, некоторые и возвращаются, просто об этом никто не знает. Как не знают и обо мне.

Я не призрак и не зомби. Я не пью кровь и не боюсь крестов. У меня нет сверхспособностей. Думаю, любой врач, обследовавший меня, заключил бы, что я самая обыкновенная девушка не старше 16 лет. В зеркале я вижу все то же лицо (возможно, даже слегка помолодевшее), но от всех моих ран не осталось никаких следов. Есть лишь одно исключение, которое я заметила далеко не сразу. У меня больше не бывает месячных. И, вероятно, я бы уже не смогла родить ребенка. Не могу сказать, что меня это расстраивает. Все женское во мне убили в том подвале. Не только физически (меня не насиловали в обычном смысле - это, кажется, было единственное, чего со мной не делали - зато дважды делали это бутылкой, а уж сколько раз меня били в низ живота, я даже не пыталась считать), но и морально - поэтому, наверное, эти функции и не восстановились. Но, как я уже сказала, я не жалею. Это только осложняло бы мою миссию.

Теперешний мир не стал для меня шоком. Я уже знала про компьютеры, интернет, мобильные телефоны и все такое - я недаром сорок лет смотрела телевизор. А то, в чем не могла разобраться по телепередачам, быстро освоила на месте. Я всегда была хорошей ученицей.

Из интернета я узнала, что мой отец еще жив. Но я не пыталась встретиться ни с ним, ни с другими оставшимися членами моей семьи. Никто из них все равно бы не поверил, решили бы, что это какой-то жестокий розыгрыш. Да и... главное, я уже не хотела этого сама. Никто из них не пришел мне на помощь, когда я так в этом нуждалась.

Я не живу подолгу на одном месте. Только столько, сколько нужно, чтобы покарать очередного мучителя. Аарон и Джефф - не первые в моем списке, но и далеко, далеко не последние. Казалось бы - что может действующая в одиночку несовершеннолетняя девушка там,

где не справляется полиция со всеми их штатами сотрудников, базами данных и криминалистическими лабораториями? Но у меня есть свои преимущества. Во-первых, я не ограничена рамками закона - хотя и стараюсь не совершать ничего, что навлекло бы на меня полицию. Во-вторых, что еще важнее - я ловлю их "на живца", чего полицейские, учитывая возраст "наживки", опять-таки позволить себе не могут. Это опасно, да. Вернувшись в мир живых, я снова стала уязвимой. Мое тело столь же чувствительно к боли, как и в прошлой жизни. Но я больше не боюсь. И никогда, никогда больше не позволю сделать с собой то, что тогда! У меня всегда есть при себе несколько штукочин, чтобы этого не допустить.

Хотя, возможно, я и ошибаюсь насчет сверхспособностей. Я не знаю, буду ли я теперь становиться старше, как все люди. Пока, по крайней мере, я не замечала никаких изменений, но прошло еще мало времени. Быть может - я буду оставаться в этом возрасте, пока исполняю свою миссию, поскольку, повзрослев, не смогла бы ее исполнять. Но это только мои фантазии. Никто не объяснял мне правила. Я не знаю, есть ли они вообще.

Деньги у меня есть. В первый раз мне пришлось наняться официанткой в кафе, но потом моя работа стала самокупаемой. *Они* всегда пытаются откупиться от меня, когда понимают, что не смогут убить. Наивные. Я беру их деньги, а потом забираю их жизнь. Ну, или в обратной последовательности. Столько, чтобы хватило на следующую миссию.

Есть лишь одно в моей новой жизни, что меня всерьез огорчает. Я могу только карать подонков - но не спасать их жертв. Всегда оказывается слишком поздно. Даже если девушка еще числится пропавшей без вести, как та же Донна Мауэр - если маньяк начал охоту за новой добычей, это, как правило, значит, что предыдущая уже мертва. А пока он не начал охотиться, мне его не отыскать.

Конечно, я в любом случае предотвращаю будущие жертвы. А может, когда-нибудь мне повезет и освободить еще живых узниц. Но даже в этом случае это произойдет далеко не сразу, и ни я и никто другой не смогу вернуть им недели, месяцы, а то и годы, проведенные в лапах изуверов. Можно вылечить тело, иногда можно даже вернуться с того света, но ЭТО не забывается никогда, и переживший такое никогда не станет прежним. Уж я-то знаю.

Я не жестока. Даже после всего, что со мной сделали - я не жестока. Я предпочла бы не карать таких, как Герти или Джефф, а заблаговременно изменять их так, чтобы они не творили своих преступлений. И жили так же долго и счастливо, как и их несостоявшиеся жертвы. Но у меня такой власти нет. А добрый бог - или администратор парка аттракционов - почему-то не хочет так поступать. Или, может, он имеет власть только в том мире, но бессилён в этом. А может, и вовсе нет никакого администратора.

Ну что ж - если я не могу ни предотвращать зло, ни исправлять его последствия, то я, по крайней мере, не позволяю ему остаться безнаказанным. И в этом - мое утешение.

20 января 2024